

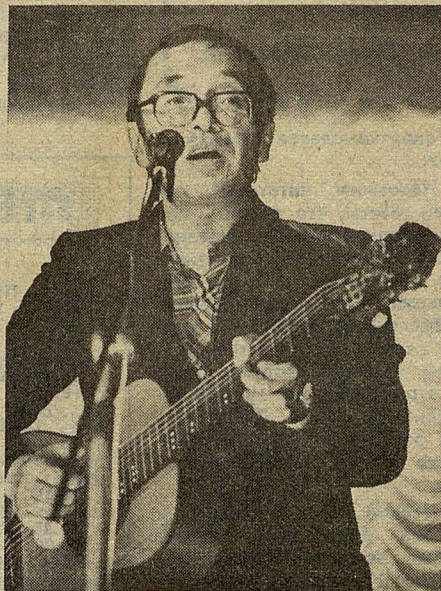
ОН ПОСТОЯННО поглядывает на себя со стороны, не любя, а насмешничая. Он — один из своих героев. Его герои — люди веселые и честные. Это же представляют не герои, но маски. Героями могут быть друзья, он себя от друзей не отделяет: любое обращение к ним можно отнести к нему самому. «Спой нам что-нибудь старенькое, сочиненное тобой ли одним, вместе ли с кем, — все равно это в первую очередь твой голос, твоя гитара, твоя интонация», — обращался он к Визбору.

Я пока не называл его имени. С именем вообще путаница. Родился Кимом, учился Кимом, женился Кимом, историю преподавал, песни сочинять начал Кимом. В музыкальном фильме «Семь нот в тишине» была новелла о «камчадале» Юлии Киме. Там он позировал на фоне каких-то плавающих бревен, сопок и льдин, приехав на полуостров учительствовать. Те, кто слушали его первые песни, могли принять автора, наполовину корейца, за чукчу или коряка. В общем, вписался в Камчатку. И получилась у них любовь взаимная на долгие годы. Ирония, как говорят, — левое крыло мечты. Вернулся в Москву, стал злее, сатиричнее. Бунты авторских песен Высоцкого, Окуджавы, Кима, Визбора вызвали повсеместное раздражение начальства. Раздраженное начальство предложило взять новую фамилию — псевдоним, любую — Иванов, Петров, Михайлов и рекомендовало начать новую жизнь. Он выбрал «Михайлов».

Затерялся в дымке шестидесятых некто **Юлий Ким**. Причем неизвестно куда. Волны тех лет разносили своих менестрелей по разным адресам. Знали о трагической гибели Геннадия Шпаликова, Рождественский Роберт увлекся ритмами парадов и маршей. Евтушенко изредка отдыхал от всемирнозначимых публицистических деяний. Юлий Ким исчез.

Профессиональный же авторитет доселе незнакомаго Юлия Михайлова, автора

песен к многочисленным спектаклям и фильмам («Похождения зубного врача», «Маяковский смеется», «Бумбараш», «Точка, точка, запятая», «Гонимые», «Остров сокровищ», «Усаты няня», «Две-надцать стульев», «Обыкновенное чудо», «Пять вечеров», «Короли и капуста»,

«Ярославна — королева Франции», «Красная Шапочка», «Клоун» и т. д.) несомненно крепчал.

«Удивительно, что фирмы, выпускающие грампластинки, среди которых тонны всяческой ресторанной тараращины, так робко и неторопливо присматриваются к этим истинным песням, способным и радовать, и облагораживать, и раскрыть красоту мира». Булат Окуджава написал о Киме (Михайлове) не только эти слова. Он посвящал ему стихотворения, статьи.

Мелодии барда очень индивидуальные. Дело в том, что его стихи уже содержат особую музыку, ритм, дыхание. Так же, как И. Шварц умеет точно почувствовать мелодику Окуджавы, — точно с таким же вниманием относятся к Юлию Киму его постоянные соавторы — В. Дашкевич и

Драматург с гитарой музыка

Г. Гладков. Удачно работал он с А. Николаевым, Р. Гринблатом. Его музыку прекрасно аранжировал А. Шнитке.

Музыка песен Ю. Кима обычно полна лукавства, иронии, шутовства, доброго юмора. Его лиричность никогда не была слишком серьезной, лишь грустной и чуть-чуть насмешливой. Он любит стилизовать, вспоминать разные старые времена и далекие страны.

«Стараюсь выразить характер персонажа через его арию — монолог — любимую песню, либо состояние персонажа в данный момент действия, либо групповую сцену, либо авторское отступление — комментарий по поводу имеющего быть представления», — написал он о песне. «Персонаж», «монолог», «сцена», «представление»... Песня постепенно становилась для него театром.

Театр его песен очень сердечен. Под всеми масками стилизаций легко угадыва-

ется лукавый лирический герой, который терпеть не может самоуверенной воинственности, чиновной пошлости и, несмотря на все капризы погоды, собирается допеть до конца. Театр его песен — это театр простой, живой, запоминающейся мелодии: театр цирка, детской игры, где всегда отыскивается место песням для детей. Он выдумывает героев: не тех, про кого песня, а тех, кто песню поет. Песни оказываются самыми настоящими драматургическими монологами. Песни-монологи гусара, пирата, старой театралки. Театр возникает в песнях: от ироничности зонга — к конфликтности драмы, от лиричности баллады — к поэтичности всей пьесы.

Музыкальные спектакли Ю. Кима («Три Ивана», «Ной и его сыновья», «Волшебный сон» и т. д.) идут на театральных подмостках от Москвы до Камчатки.

Бежит время. Вот уже выпущен «Мелодией» «гигант» его песен под названием «Рыба-кит», мгновенно исчезнувший с прилавков. Вот уже и нет тех начальников, что превращали Кима в «Михайлова». Он вновь — Ким. Его снимают на видео, о нем готовят передачу телевидение. Он пишет мюзикл по «Бане» В. Маяковского, песни к двухсерийному «Дракону» в постановке М. Захарова, пьесу по мотивам романа И. Эренбурга «Хулио Хурени-то».

Когда апостолы, или, как сейчас говорят, лидеры авторской песни стали заниматься прозой, кинематографом, театром, к ней наконец пришел официальный внимание. Мы вгляделись и заметили неоднородность песни.

«Высоцкий — не стилизатор, Окуджава — не стилизатор. То есть они выбрали какой-то общий музыкальный строй и в нем творили, а я хватался за все, а я и цыплятам подражал, и кому-то только...»

В общем, драматург с гитарой.

Владимир ОРЕНОВ.
Фото Романа СПЕКТОРА.